

Алексей Сазонов

Москва, Ноябрь 2003 - 24 октябрь Андрей Битов

прогноз с. 24.

Сегодня, когда на пороге Европейского союза стоят еще 13 государств, в гамбургском Литературном доме и в Фонде поддержки культурных инициатив имени Курта Кёрбера задумались, а что, собственно, «общеевропейского» в литературе стран современной Европы?

Задумались не случайно, поскольку новое лицо Европы в произведениях мастеров пера от Скандинавии до Средиземноморья не отражается почти никак. Поэтому 33 писателям из 33 европейских стран предложили написать эссе – о европейском в литературе. Свои сочинения на заданную тему писатели прочитали в Гамбурге на симпозиуме «Европа пишет». Забавно, что принять участие в проекте отказались 15 современных английских классиков... Зато остальные прибыли охотно – из Чехии и Германии, Албании и Нидерландов, Эстонии и Литвы, Латвии и Финляндии, Болгарии и Бельгии.

Итальянец Марио Фортунато и грек Никос Темелис размышляли о прошлом. Эстет и весельчак Дурс Грюнбайн из Германии, автор сочинения «Галилей измеряет Дантов ад», фанатизировал на тему мифа о Европе, похищенной Зевсом. Гости из Балканских стран отнесли к проблеме европейского будущего серьезно и говорили о насущных политических и экономических проблемах.

Поэт и диссидент Томас Венцлова, друг Иосифа Бродского и добрый знакомый Анны Ахматовой, с тремя родными европейскими языками – литовским, польским и русским – говорил по-английски с пафосом профессора Йельского университета на тему «Писатели – биографы Европы».

Разсуждая о национализме и национальном самосознании, Томас Венцлова подчеркивал, что национальное самосознание – самосознание открытое, которое принимает к сведению существование других точек зрения. Национализм все иные точки зрения считает враждебными. Национа-

РОССИЯ – ЭТО НЕ СТРАНА, А ИДЕЯ

Андрей Битов ведет разговор по гамбургскому счету

листа не покидает ощущение, что он окружен врагами, готовыми его уничтожить, ничто другое его не интересует. В этом смысле национализм свойствен и «большим» народам. Он, по мнению Венцловы, присущ, в частности, русским, конечно, не всем, но изрядной доле российских интеллигентов, уверенных, что весь мир плетет некий заговор против их страны. Что, конечно, не соответствует действительности. Преодоление этого национализма, который в истории Европы приводил к исключительно тяжелым последствиям, — важнейшая задача в наше время, ее поможет решить вступление новых членов в европейское сообщество.

Россию на симпозиуме представлял Андрей БИТОВ, который в очередной раз напомнил о ее всемирной роли:

«Вот, говорят, отсталая, а между тем Россия – преждевременная страна. Россия – это не страна, а идея. И спасти ее может только то, что она это поймет и мир это поймет. Понимаете, мир! Вот сейчас говорят: глобализация, глобализация... Мир действительно стал маленьким шариком. К примеру, мы не можем вообразить наше тело без печени, без мозга или без желудка. Я не буду распределять сейчас роли по менталитетам, кто какой орган. Но факт тот, что одно без другого не живо. Россия – это огромный орган мира, работающий на соединение, по крайней мере, трех миров. Россия – это не география, а – поза. Но эта поза – мировая, а не русская».

Эссе Андрея Битова, к сожалению, по-русски не прозвучало, потому что Андрей Георгиевич был простужен. Однако с аудиторией, невзирая на проблемы с голосом, он говорил охотно.

– Сегодня ничего не происходит, знаете. На мой взгляд, это очень хорошо, когда ничего не происходит. Значит, идет время, и люди недостаточно уверены в себе, чтобы его портишь. Хотя немножко надо послушать, как идет время. Дать ему идти – вот это моя молитва. Я надеюсь, что мы приобретем свой застой. Застой – потому что страна нуждается в покое и

«Впереди у нас очень хороший гром с небес. К нему надо быть готовым, надо становиться человеком, приобретает гулливерские масштабы, европейские. Надо быть готовым к тому, чтобы принимать человеческий облик».

в том, чтобы опыт стал частью менталитета.

Последние книги Битова посвящены Александру Сергеевичу Пушкину.

– Я очень люблю этого человека, даже больше, чем Европу. Хотя Европа – дама, а Пушкин – мужчина. И Россия, между прочим, у нее под юбкой, учтите... Ну, так вот, сейчас мы собираем такой сборничек к 300-летию Петербурга. Из моей пушкинианы. И я же пишу предисловие. Я решил Пушкина разоблачить, уничтожить его. Зачем он, мол? Зачем нам Пушкин? Это эссе называется «О преждевременности».

Андрея Битова спрашивали, существует ли в России цензура, пишут ли в его стране о чеченской войне, что ждет Россию, принадлежит ли она и ее литература Европе и остальному миру... Вот его ответы.

О Чечне:

– Пишут и кино снимают. Сами ли чеченцы? Думаю, чеченцам не до того, но русские пишут. Одни подходят к этому более экзистенциально, другие более публицистически. Но лучше Толстого уже никто не напишет. Я помню, когда был второй раунд войны в Чечне, при Ельцине, перед Новым годом обзванивали с блинтервью и в том числе позвонили и мне. И один из вопросов был: что бы вы посоветовали прочесть президенту? Я сказал: пусть он хотя бы один раз прочтет «Хаджи-Мурата».

О цензуре:

– Ну а как же без нее? Она всегда была и будет, вопрос – о форме ее существования. К примеру, то, что мы с вами живы и разговариваем, означает, что мы согласились на определенного вида цензуру. Она в основе общения, печати и всех взаимоотношений. Вопрос в том, чтобы она не находилась в чьих-то подлых руках. Вот такой цензуры как будто нет. Но попытки манипулировать продолжают, потому что бескорыстия тоже нет в этом мире. Но официально сегодня в России цензуры нет, можно даже лишнее печатать. Остальное – политика, знаете. А политика – это... те, которые чем-то пользуются, да? Это люди, которые умеют пользоваться

ся деньгами, законами, цензурой, силой и так далее. Так что цензура – это инструмент. А когда притесняют какую-либо телестанцию или закрывают журнал, это напоминает остроумное высказывание Черчилля о нашей политике: «Схватка двух бульдогов под ковром». От меня как обывателя, как простого человека это далеко. Вот если бы запретили хороший текст, но этого почти никогда не бывает. Это вопрос политики, а не искусства. Не запрещают хороших текстов, а их не пишут, их нет. Это какие-то игры, короче говоря. А когда разрешают играть в игры, значит, цензура в порядке. Мафиозные разборки – они существуют. И от этого страдают частные лица, допустим. А я как всю жизнь писал, что я хотел, так я и пишу, что я хочу. И для меня это не вопрос.

Будущее России:

– У нас все гораздо более грозное впереди, чем выяснение отношений между людьми. Впереди у нас очень хороший гром с небес. К нему надо быть готовым, надо становиться человеком, приобретать гулливерские масштабы, европейские. Надо быть готовым к тому, чтобы принимать человеческий облик. А до сих пор – это такая устаревшая жизнь, безумно устаревшая жизнь. Выяснение отношений между нациями, конфессиями, политиками. Эта такой маразм, потому что сейчас меняется Северный полюс на Южный, например, а мы этого не замечаем...

Нужна ли Россия и ее литература миру?

– Нужна, как, допустим, и Австралия, да? Вот они нужны все друг другу. А литература нужна человеку как действующий орган. Мы же не каждый день думаем о поджелудочной железе, если у нас в порядке. Но если она у нас не в порядке, мы обращаемся к врачу. И литература – это орган. И если он работает, если он не болит, то незачем обсуждать и интерес к литературе. Она всегда казалась ненужной и всегда существовала. Так что все будет хорошо.

На симпозиуме побывала Катя ФИЛИППОВА